

- [Габриэль Гарсиа Маркес](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Габриэль Гарсиа Маркес

Добрый фокусник, продавец чудес

Перевод с испанского Ростислава РЫБКИНА

В то воскресенье, когда я его увидел в первый раз, бархатные подтяжки прострочены золотой мишурой, на всех пальцах перстни с цветными камешками, волосы на голове заплетены в косу и в косу эту вплетены бубенчики, я подумал сперва, что это какой-то жалкий цирковой униформист взобрался на стол, было это в порту Санта-Мария-дель-Дарьен, стол был заставлен пузырьками лекарств от разных недугов и завален успокаивающими травами, все он сам готовил и продавал, надтреснутым громким голосом расхваливал свой товар в городках на Карибском побережье, но только в тот раз никакого индейского дерьма еще не предлагал, а просил, принесите настоящую ядовитую змею и я покажу на себе, как действует найденное мною противоядие, единственное абсолютно надежное, дамы и господа, от укусов змей, тарантулов, сколопендр и всякого рода ядовитых млекопитающих. Кто-то, на кого, похоже, его вера в свое противоядие произвела сильное впечатление, сходил куда-то и принес в бутылке мапану [*черножелтая ядовитая змея, обитает в Колумбии и Венесуэле. — Прим, перев.*] из самых плохих, из тех, от укуса которых жертва сразу же начинает задыхаться, и он схватил бутылку с такой жадностью, что все мы подумали, будто эту змейку он сейчас съест, но она, едва почувствовав, что свободна, вмш выскочила из бутылки и укусила его в шею, и он, задыхаясь, уже не мог говорить, и только успел принять свое противоядие, как стол, заставленный дрянью, опрокинулся под напором толпы и огромное тело осталось, свалившись с него, лежать на земле, и казалось, что внутри оно совсем пустое, но он все так же смеялся и все так же блестяли его золотые зубы. Грохот от падения стола был такой, что броненосец с севера, прибывший с дружеским визитом лет двадцать назад и с тех пор стоявший у пристани, объявил карантин, опасаясь, что змеиный яд может попасть к нему на палубу, а люди, праздновавшие вербное воскресенье, вышли из церкви со своими освященными пальмовыми листьями, не дождавшись конца мессы, потому что каждому хотелось увидеть, что происходит с ужаленным, а того уже

раздувал воздух смерти и теперь он в объёме был вдвое больше прежнего, изо рта у него шла желтая пена и было слышно, как дышат его поры, но по-прежнему он так сотрясался от хохота, что все бубунчики на нем звенели. Увеличиваясь, тело его отрывало у гетр пуговицы и разрывало швы одежды, и казалось, что перстни вот-вот разрежут ему пальцы', а лицо его обрело цвет солонины, и все, кто видел, как" его ужалила змея, поняли, что он, хотя еще жив, уже гниет и скоро рассыплется на такие мелкие кусочки, что его придется сгребать и ссыпать лопатой в мешок, но в то же время им казалось, что, даже превратившись в опилки, он не перестанет смеяться. Зрелище было настолько невероятное, что морские пехотинцы из северной страны поднялись на мостик своего корабля, чтобы фотоаппаратами с мощными линзами заснять его оттуда в Цвете, но женщины, вышедшие из церкви, помешали им это сделать, они накрыли умирающего одеялом, а на одеяло положили освященные пальмовые листья — кто-то чтобы не дать морским пехотинцам осквернить тело своими чужеземными штуковинами, а кто-то потому, что было страшно-смотреть на нечестивца, способного умереть от смеха в буквальном смысле этого слова; другие же надеялись, что таким способом избавят от яда хотя бы его душу. Все уже решили, что он мертв, когда одним движением он сбросил с себя пальмовые листья и, еще не совсем очнувшись и не оправившись до конца от происшедшего, без посторонней помощи поставил стол, вскарабкался на него кое-как, и вот он уже опять кричит, что противоядие это прямо-таки благословенье господне в пузырьке, вы все в этом убедились, и стоит всего два кватильо [*Название монеты, одна четвертая часть реала*], и изобрел он это противоядие не корысти ради, а для блага людей, кто еще там говорит, будто это одно и то же, и только прошу вас, дамы и господа, не напирайте, хватит на всех.

Но люди, конечно, напирали, и правильно делали, потому что на всех не хватило. Один пузырек приобрел даже адмирал с броненосца, поверивший, что снадобье это защитит также и от отравленных пуль анархистов, а члены экипажа, увидев, что им не сфотографировать человека, ужаленного змеей, мертвым, не только стали снимать его стоящим во весь рост на столе, но еще заставили давать автографы, и он их давал до тех пор, пока руку не свело судорогой. Уже совсем стемнело, почти все разошлись, в порту оставались только самые неприкаянные, и тут он стал искать взглядом кого-нибудь с лицом поглупее, ведь нужно было, чтобы кто-то помог ему убрать со стола и упаковать пузырьки, и, конечно, взгляд его остановился на мне. Словно сама судьба на меня взглянула, не только моя, но и его, и хотя с тех пор прошло уже больше ста лет, мы с ним

помним все, как будто это было в прошлое воскресенье. Так или иначе, но мы уже складывали с ним его аптеку в чемодан с пурпурными завитушками, скорее похожий на гробницу мудреца, когда он, должно быть, увидев внутри меня какой-то свет, которого не увидел сразу, спросил равнодушно, кто ты, и я ответил, что я сирота при живом отце, и он расхохотался даже громче, чем когда на него действовал яд, а потом спросил, чем ты занимаешься, и я ответил, что не занимаюсь ничем, просто живу, потому что все остальные занятия ломаного гроша не стоят, и он, все еще плача от смеха, спросил, есть ли на свете такое, что мне все-таки хотелось бы знать, и это был единственный раз, когда я ответил ему серьезно и сказал правду, что хотел бы научиться гадать и предсказывать, и тогда он перестал смеяться и сказал, будто размышляя вслух, что для этого мне не хватает совсем немногого, глупое лицо, которое для этого необходимо, у меня уже есть. В тот же вечер он поговорил с моим отцом и за реал с двумя квартирьером и колоду карт, способных предсказывать любовные победы, купил меня навсегда.

Таков был злой фокусник, потому что добрый фокусник — не он, а я. Он мог доказать астроному, что месяц февраль — это стадо невидимых слонов, но когда фортуна поворачивалась к нему спиной, он становился жесткосердным. В свои лучшие времена он был бальзамировщиком вице-королей и, рассказывают, умел придать их лицам выражение такой властности, что они потом еще по многу лет правили даже лучше, чем при жизни, и до тех пор, пока он не возвращал им обычного вида мертвых, никто не осмеливался их хоронить, но его положение пошатнулось после того, как он изобрел шахматы, в которых невозможны ни поражение ни победа, а партия длится бесконечно, игра эта довела до безумия одного капеллана и стала причиной самоубийства двух титулованных особ, и после этого он покатился вниз, стал толкователем сновидений, потом гипнотизером, которого приглашают для развлечения гостей на дни рождения, потом зубодером, удаляющим зубы путем внушения, и, наконец, ярмарочным знахарем, и в ту пору, когда мы с ним познакомились, даже невежественные пираты не принимали его всерьез. Мы мотались по свету вместе с нашей кучей лжелекарств и жили в вечном страхе из-за наших свечей, которые, если их зажжешь, делают контрабандистов невидимыми, из-за капель, которыми жены-христианки, незаметно накапав их в суп, могут сделать богобоязненными мужей-голландцев, и из-за всего того, что вы выберете сами, дамы и господа, и я совсем не настаиваю, чтобы вы покупали, а просто советую не отказываться от своего счастья. Но хоть мы и умирали со смеху над всем тем, что с нами происходило, на самом деле

нам едва удавалось заработать себе на хлеб, и теперь он надеялся только на мое умение предсказывать. Переодев меня в японца, положив в похожий на гробницу чемодан и цепью приковав внутри к правой стенке, он запирает меня в нем, чтобы я оттуда предсказывал, а сам в это время лихорадочно листал грамматику, отыскивая лучший способ заставить людей поверить в его новую науку, а вот перед вами, дамы и господа, младенец, терзаемый светляками Иезекииля, и вот, например, вы, сеньор, ваше лицо выражает недоверие, давайте посмотрим, хватит ли у вас духу спросить его, когда вы умрете, но я никогда не мог сказать даже какой сегодня день и месяц, и в конце концов он потерял надежду на то, что я стану предсказателем, это из-за того не работает твоя железа прорицаний, что ты после обеда спишь, а потом, чтобы удача к нему вернулась, ударил меня палкой по голове и сказал, что отведет меня к отцу и потребует с него назад деньги. Как раз тогда, однако, он обнаружил способы применять электричество, рождаемое страданием, и стал мастерить швейную машинку с присосками, которая работает, если присоединить эти присоски к испытывающей боль части тела. Но так как я ночи напролет стонал от палочных ударов, которыми он осыпал меня для того, чтобы у него кончилась полоса невезенья, ему пришлось, чтобы испытать свое изобретение, оставить меня у себя, и мое возвращение домой стало откладываться, а его настроение подниматься, и наконец машинка заработала прекрасно, стала шить не только лучше любой— послушницы, но и вышивать, в зависимости от силы боли и от того, где болит, птичек и цветы астромелии. В таком положении мы и пребывали, уверенные, что одержали наконец победу над невезеньем, когда до нас дошла весть о том, что адмирал с броненосца, пожелав продемонстрировать в Филадельфии действие купленного им противоядия, превратился в присутствии своего штаба в варенье из адмирала.

Теперь он не смеялся. Мы бежали по тропинкам, которые знают одни индейцы, и чем в большую глушь мы забирались, тем чаще слышали, что под предлогом борьбы с желтой лихорадкой в страну вторглись морские пехотинцы и рубят головы всем явным и тайным торговцам зельями, каких встречают на своем пути, и рубят не только коренным жителям, этим на всякий случай, но и, по рассеянности, китайцам, по привычке неграм, и за то, что те умеют заклинать змей, индийцам, а потом уничтожают фауну и флору и, если удастся, минералы, потому что их специалисты по нашим делам объяснили им, что жители Карибского побережья даже природу готовы изменить ради того, чтобы досадить гринго. Я не понимал ни почему морские пехотинцы в такой ярости, ни чего мы с ним так боимся, пока мы не оказались в безопасности наедине с ветрами Гуахиры,

дующими от начала времен, и только тут у него хватило духу мне признаться, что противоядие его было не более чем смесью ревеня со скипидаром, но он заранее заплатил два квартильо какому-то бродяге, чтобы тот принес лишнюю яда мапану. Мы поселились в руинах миссии колониальных времен, поддерживаемые иллюзорной надеждой на то, что появятся контрабандисты, те, кому можно доверять и кто только и способен решиться ступить на эти пустынные солончаки, оказаться под ртутной лампой этого солнца. Сперва мы ели копченых саламандр с сорняками, и мы были еще способны смеяться, когда попытались съесть, сварив предварительно, его гетры, но когда мы съели даже паутину с поверхности прудов, мы поняли, как не хватает нам оставленного нами мира. Поскольку я в то время не знал от смерти никаких средств, я лег, принял положение, при котором болело меньше, и стал ее ждать, а он в это время вспоминал в бреду о женщине такой нежной, что она, вздыхая, могла проходить сквозь стены, но даже эти любовные страдания были просто вызовом, который он бросил смерти. Однако в час, когда мы уже должны были быть мертвыми, он подошел ко мне и сел рядом, полный жизни как никогда, и провел ночь, наблюдая за моей агонией, думая с такой силой, что я до сих пор не знаю, ветер тогда свистел среди развалин или его мысли, а перед рассветом сказал тем же голосом и так же решительно, как в прежние времена, что теперь он наконец знает истину, и заключается она в том, что это из-за меня искривилась линия его судьбы, так что затяни ремень потуже, потому что-то, что ты мне искривил ты же мне сейчас и выпрямишь.

Тогда— то и начал я терять те крохи расположения к нему, какие во мне еще оставались. Он сорвал последние тряпки, которые на мне были, закатал меня в колючую проволоку, насыпая в мои раны селитры, замариновал меня в собственных моих водах и подвесил за щиколотки на солнце, и при этом кричал, что такого умерщвления плоти недостаточно, что оно не умиротворит его преследователей. Кончил он тем, что бросил меня гнить в моих собственных бедах в подземном карцере покаяния, где миссионеры в колониальные времена наставляли на путь истинный еретиков, и с коварством, которого у него еще оставалось в избытке, стал, используя искусство чревоуващения, которым владел в совершенстве, подражать голосам съедобных животных, созревшей свекле и журчанию родников, чтобы мне казалось, будто от голода и жажды я умираю среди необыкновенного изобилия. Когда же наконец контрабандисты поделились с ним съестными припасами, он стал спускаться в подземелье и приносить мне еды ровно столько, сколько нужно было, чтобы не дать мне умереть, но потом я расплачивался за эту милостыню тем, что он вырывал у меня

клещами ногти и мельничными жерновами стачивал зубы, и жил я только надеждой, что у" меня еще будет случай избавиться от этих унижений и страшных пыток. Я изумлялся тому, как выдерживаю вонь собственного гниения, а он по-прежнему бросал мне сверху свои объедки и кидал куски дохлых ящериц и хищных птиц, чтобы совсем отравить воздух в моей темнице. Не знаю, сколько времени так прошло, когда он принес труп зайца и стал дразнить меня, показывая, что скорее бросит его гнить, нежели даст мне съесть, но и тогда я не потерял самообладания, а только разозлился, схватил зайца за уши и швырнул в стену, вообразив, что о стену расплющился не зверек, а мой мучитель, и потом все было как во сне, заяц ожил, закричал от ужаса и вернулся, шагая по воздуху, вернулся ко мне в руки.

Вот так началась моя новая прекрасная жизнь. Именно с этих пор брожу я по свету и больным малярией снижаю температуру за два песо, зрение слепым возвращаю за четыре пятьдесят, страдающих водянкой обезвоживаю за восемнадцать песо, восстанавливаю конечности безруким или безногим от рождения за двадцать, а потерявшим их в результате несчастного случая или драки за двадцать два, а если по причине войны, землетрясения, высадки морской пехоты или любого другого стихийного бедствия, то за двадцать пять, обычные болезни исцеляю все разом по договоренности, с помешанных беру в зависимости от того, на чем помешались, детей лечу за половину стоимости, а дураков за спасибо, и ну-ка, дамы и господа, у кого из вас повернется язык сказать, что это не чистая филантропия, а теперь наконец, господин командующий двадцатым флотом, прикажите своим мальчикам убрать заграждения и пропустить страждущее человечество, прокаженные налево, эпилептики направо, паралитики туда, где они не будут мешать, а менее острые случаи пусть ждут позади, только, пожалуйста, не наваливайтесь на меня все разом, иначе я ни за что не отвечаю, могу перепутать болезни и вылечу вас от того, чего у вас нет, и пусть от музыки закипит медь труб, и от фейерверков сгорят ангелы, а от водки погибнет мысль, и пусть придут канатоходцы и шлюхи, скотоубойщики и фотографы, и все это за мой счет, дамы и господа, потому что на этом кончилась дурная слава мне подобных и наступило всеобщее примирение. Вот так, прибегая к депутатским уловкам, я усыпляю вашу бдительность на случай, если вдруг смекалка меня подведет и кто-нибудь из вас почувствует себя после моего лечения хуже, чем до него. Единственное, что я отказываюсь делать, так это воскрешать мертвых, потому что они, едва открыв глаза, набрасываются с кулаками на того, кто нарушил их покой, а потом все равно либо кончают

самоубийством либо умирают снова, уже от разочарования. Сперва за мной ходила свита ученых, желавших убедиться в моем праве заниматься тем, чем занимаюсь, а когда удостоверились, что это право у меня есть, они стали пугать меня тем кругом ада, где пребывает Симон Маг, и посоветовали мне остаток жизни провести в покаянии, чтобы я стал святым, но я со всем уважением, которого они заслуживают, ответил, что именно с этого я в свое время и начинал. Ведь мне, артисту, не будет после смерти никакой пользы от того, что я стану святым, и хочу я только одного, жить и нестишь очертя голову на этой шестицилиндровой колыхаге с откидным верхом, купленной у консула морской пехоты вместе с шофером, когда-то баритоном в опере нью-орлеанских пиратов, с теперешними моими шелковыми рубашками, моими восточными лосьонами, моими зубами из топазов, моей парчовой шляпой, моими комбинированными, из кожи двух цветов ботинками, хочу спать и впредь сколько пожелаю по утрам, танцевать с королевами красоты и кружить им голову своим почерпнутым из энциклопедии красноречием, и у меня не затрясутся поджилки, если как-нибудь в среду, в первый день сорокадневного поста перед пасхой, пропадут мои способности, ведь для того, чтобы жить и дальше этой жизнью министра, мне более чем достаточно глупого лица и бесчисленных лавок, которые тянутся отсюда до мест по ту сторону сумерек, где те же туристы, что прежде взимали с нас налог в пользу своего военного флота, теперь лезут, расталкивая друг друга локтями, за фото с моим автографом, за календарями, где напечатаны мои стихи о любви, за медалями с моим профилем, за кусочками моей одежды, и все это несмотря на то, что я, в отличие от отцов отечества, не высечен из мрамора, не торчу днем и ночью верхом на лошади и не обделан весь ласточками.

Жаль, что эту историю не сможет повторить злой фокусник, а то бы вы убедились, что каждое слово в ней правда. В последний раз, когда его видели, он уже растерял даже булавки, которыми было приколото к нему его прежнее великолепие, а благодаря суровости пустыни у него исчезла душа и перемешались в теле кости, но два или три бубенчика в косе у него еще оставались, и этого было больше чем достаточно, как-то в воскресенье он появился снова в порту Санта-Мария-дель-Дарьен со своим неизменным чемоданом, похожим на гробницу, только на этот раз он не торговал противоядиями, а просил голосом, надтреснутым от избытка чувств, чтобы морские пехотинцы расстреляли его на глазах у всех, тогда он сможет продемонстрировать на себе способность этого вот сверхъестественного существа воскрешать людей, дамы и господа, и хотя у вас, которые столько времени страдали от моих обманов и мошенничества, есть все основания

мне не верить, я клянусь вам костями своей матери, то, что вы сегодня увидите, доподлинная правда, а не что-то из потустороннего мира, и если у вас на этот счет остаются хоть какие-нибудь сомнения, присмотритесь хорошенько и убедитесь, что сейчас я уже не смеюсь как прежде, а с трудом сдерживаю слезы. Можно представить себе, какое впечатление на всех произвело, когда он с глазами, полными слез, расстегнул на груди рубашку и похлопал там, где сердце, указывая этим смерти самое лучшее место, однако морские пехотинцы, боясь оплошать на глазах воскресной толпы, стрелять не стали. Кто-то, должно быть, помнивший его прежние фокусы, куда-то сходил и принес ему в жестянке несколько корней корвяка, которых хватило бы на то, чтобы всплыли брюхом вверх все корвины в Карибском море, и он схватил жестянку с такой жадностью, словно собирался их съесть, и он на самом деле их съел, дамы и господа, только, пожалуйста, не приходите в ужас и не спешите молиться за упокой моей души, ведь умереть для меня все равно что сходить в гости. В этот раз он повел себя честно, не стал, как актер на сцене, изображать предсмертный хрип, а только слез кое-как со стола, выбрал на земле, поколебавшись, самое подходящее место и с него, уже лежа, посмотрел на меня как на родную мать, вытянул вдоль тела руки и, все еще сдерживая свои мужские слезы, испустил последний вздох, и столбняк вечности выкрутил его сперва в одну сторону, а потом в другую. Да, это был единственный раз, когда наука меня подвела. Я положил его в тот, с завитушками, чемодан, куда я вмещаюсь целиком, заказал заупокойную службу, эта служба, из-за того, что облачение на священнике было золотое и в церкви сидели три епископа, обошлась мне в четыре раза по пятьдесят дублонов, и я приказал возвести для него на холме, овеваемом с моря самыми приятными ветерками, часовню, а в ней бла гробница, достойная императора, и на чугунной плите заглавными готическими буквами написано, здесь покоится мертвый фокусник, которого многие называли злым, посрамитель морской пехоты и жертва науки, и когда я решил, что этими почестями воздал должное его добродетелям, то начал мстить ему за унижения, которым он меня подвергал, я воскресил его внутри его бронированной гробницы и оставил там биться в ужасе. Это произошло задолго до того, как порт Санта-Мария-дель-Дарьен съели муравьи, но часовня с гробницей, ничуть от них не пострадавшая, до сих пор стрит на холме в тени драконов, спящих в ветрах Антлантики, и каждый раз, когда бываю в тех краях, я привожу полную машину роз, и сердце у меня, когда я вспоминаю о его добродетелях, разрывается от жалости, но потом я прикладываю ухо к чугунной плите и слушаю, как он плачет среди

обломков развалившегося чемодана, и если вдруг он умирает снова, я его снова воскрешаю, ибо наказание это прекрасно тем, что он будет жить в гробнице пока живу я, то есть вечно.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

02.03.05

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)